

Стояла прекрасная летняя погода. В старой усадьбе, окружённой глубокими канавами с водой, всё живое наслаждалось солнцем и покоем. Одной только утке было не до этих простых земных радостей: сидя в лопухах, она была занята чрезвычайно важным делом — высиживанием птенцов.

Наконец, яичные скорлупки треснули, и оттуда высунулись сначала клювики, а затем и сами утята выкарабкались из скорлупок. Утка обрадовалась своим прелестным деткам.

Однако радость её была преждевременной: самое большое яйцо было целёхоньким, но в конце концов треснуло и оно. Какой же некрасивый, гадкий птенец вывалился наружу! Утка-мама даже крыльями всплеснула от огорчения:

— Уж не индюшонок ли это? — подумала она вслух.— Сейчас мы узнаем это!

И утка заковыляла к канаве с водой. Весь её выводок шёл сзади, а замыкал шествие самый большой и самый некрасивый утёнок.

— Кря-кря, за мной! — скомандовала утка, бросившись в воду.

Утята один за другим последовали её примеру. Не отставал от братьев и сестёр и гадкий утёнок: он быстрее других освоил навыки плавания, а нырял лучше всех.

— Нет, это не индюшонок, это мой собственный сын! Вон он как славно гребёт лапками! — довольно сказала утка и, собрав детей, повела их знакомиться с обитателями птичьего двора.

Ей очень хотелось заслужить похвалу знатной утки с красным лоскутком на лапке. Это была самая старая и уважаемая утка на всём птичьем дворе.

— Хорошие у тебя детишки, — сказала знатная утка, когда ей представили новый утиный выводок, — кроме одного. Этот бедняга явно не удался. Ну да ладно, будьте как дома!

И новорождённые утята стали вести себя как дома: бегали, дрались, искали еду.

Новый выводок был внимательно осмотрен и милостиво принят на птичьем дворе. Вот только бедному гадкому утёнку никто не давал проходу: на него градом сыпались насмешки, его били, дразнили все кому не лень. Над ним смеялись, его обижали, толкали, пинали, щипали...

Так прошёл первый день. Однако потом стало ещё хуже. Все гнали бедняжку. Даже девушка, которая задавала птицам корм, отталкивала его ногой, едва утёнок подходил к кормушке. «Ну надо же мне было уродиться таким безобразным!» — думал бедняжка. При всей своей некрасивости он имел чрезвычайно доброе сердце и золотой характер. Однако обитатели птичьего двора не желали видеть этого...

Даже братья и сёстры сердито кричали на него:

— Хоть бы тебя утащила кошка, урод несчастный!

В конце концов даже его собственная мать сердито сказала:

— Глаза б мои на тебя не глядели!

И утёнок не выдержал. Однажды, спасаясь от самого злого петуха, он бросился бежать с птичьего двора, сам не зная куда.

И бежал до тех пор, пока не упал от усталости в болото, где жили дикие утки.

Утки хорошенько рассмотрели нового товарища, и, не упустив случая покритиковать его за редкостную некрасивость, милостиво разрешили жить рядом с собой. Правда, строго предупредили, чтобы он поменьше попадался им на глаза.

Забившись в камыши, утёнок пил болотную воду, ел червяков и был счастлив, что никто не обижает его.

Но вскоре случилась беда. Со всех сторон болото окружили охотники и устроили такую пальбу, что облака голубого дыма поднялись до самых верхушек деревьев. Никому из диких уток не удалось спастись от метких пуль. Повезло лишь одному утёнку: он был невелик, и камыши надёжно скрыли его от охотников.

Закрыв глаза, бедняжка забился в камыши и старался не дышать. К вечеру пальба стихла, но до самого утра утёнок был ни жив ни мёртв от страха. Наконец, убедившись, что охотники ушли, он осмелел, встал, огляделся и бросился бежать, сам не зная куда.

А тем временем погода испортилась, подул сильный ветер, началась гроза, гремел гром, молнии раскалывали небо. Бедняжка совсем выбился из сил. Он уже не мог бежать, а только, тяжело переступая, едва плёлся вперёд.

— Ну вот скоро и кончатся мои мучения,— печально подумал он. — Никогда никто больше не обидит меня, а я больше не увижу синего неба и тёплого солнышка.

Ему было грустно и обидно покидать белый свет.